

На третий день пребывания в горах Цю Хэнянь взял с собой лук, стрелы и топор для рубки дров, и отправился из дома в одиночку.

На этот раз он намеревался углубиться в леса, чтобы охотиться на более крупных животных. Иногда это требовало сидеть в засаде по несколько часов, что для Цин Яня было бы невыносимо. Поэтому его оставили в доме вместе с Эр Си.

Перед уходом Цю Хэнянь напомнил ему запереть ворота на засов и отпустить Эр Си с веревки, чтобы пес мог свободно передвигаться в случае необходимости. Он также научил Цин Яня нескольким командам, и, только удостоверившись, что тот их неуклюже, но понял, отправился в путь, хотя все равно чувствовал беспокойство.

Цин Янь, стоя за оградой, провожал взглядом уходящего Цю Хэняня, а другой глаз не сводил с пса, который сидел на земле, высунув язык, и смотрел на него. Как только фигура Цю Хэняня скрылась в густых зарослях, страх Цин Яня перед собакой начал расти. Он уставился на Эр Си, кашлянул для отвлечения его внимания, а затем рванул к дому.

Эр Си, решив, что с ним хотят поиграть, с восторгом вскочил и с невероятной для человека ловкостью догнал Цин Яня. Собака едва не сбила его с ног, прошмыгнула внутрь дома и, тяжело дыша, обернулась к человеку с довольным видом, как будто требовала похвалы.

Цин Янь, едва справившись с дрожью, выдавил:

- Мо-мо-молодец...

После чего схватил палку и бросил ее в угол дома со словами:

- Принеси! Принеси!

Эр Си радостно бросился за палкой, а Цин Янь, воспользовавшись моментом, забежал в дом, захлопнул дверь и прыгнул на кровать, укрывшись с головой одеялом.

Эр Си вернулся с палкой, но, не решаясь запрыгнуть на кровать, положил лапы на ее край и начал толкать носом бугристый холм под одеялом. Однако, как бы он ни старался, из-под одеяла никто не вылезал. Поняв, что его усилия тщетны, Эр Си опустил хвост и разочарованно вернулся на свое место.

Только спустя некоторое время Цин Янь осторожно выглянул из-под одеяла, чтобы не задохнуться. Его взгляд тут же встретился с глазами пса, который все еще держал в зубах палку и выглядел удивительно грустным. Цин Янь с усилием закрыл глаза: если не смотреть, то и жалеть нечего.

Обед прошел скромно — человек и собака поделили нехитрую трапезу. После еды Цин Янь

занялся разбором рыбы, которую принесли накануне. Он рассортировал ее на крупную и мелкую. Рыбу, предназначенную для себя, он потрошил и чистил от жабр. Ту, что предназначалась на продажу, нанизывал на пеньковую веревку, затем аккуратно оборачивал бамбуковыми циновками и выносил на мороз.

Когда он закопал рыбу в снег и вытер пот со лба, ему показалось, что на вершине дерева что-то мелькнуло. В этот же момент Эр Си выбежал из дома и настороженно уставился вверх.

Цин Янь резко похлопал себя по бедру, пытаясь понять, что он только что увидел, и закричал:

- Эр Си!

Он поспешно снял засов с ворот и выбежал на улицу. Эр Си, не дожидаясь команды, уже мчался вперед. Когда Цин Янь добрался до ворот, пес давно исчез в лесу.

Цин Янь бежал позади, а из леса доносился громкий, оглушительный лай, полный возбуждения. Следуя звукам, он устремился в ту сторону. Едва подбежав к краю леса, он заметил огромного фазана с ярким, пестрым хвостом. Птица, отчаянно убегая, то бежала, то вспархивала в воздух, преследуемая собакой.

С легким прыжком Цин Янь кинулся вперед и с грохотом рухнул в сугроб. Толстый слой снега смягчил падение, и он почти ничего не почувствовал. В тот миг, когда фазан едва оторвался от земли, он крепко схватил птицу за хвост. Эр Си, его верный спутник, сразу же прижал голову фазана к земле.

На обратной дороге домой Цин Янь и Эр Си светились от радости. Цин Яню даже захотелось дать Эр Си пять, будто они были не просто человеком и собакой, а товарищами по охоте. Фазан был связан за лапы и временно помещен в доме, чтобы его можно было немного подержать живым.

Окрыленный успехом, Цин Янь с азартом спросил у Эр Си:

- Где твоя палка? Принеси, я поиграю с тобой, друг!

На удивление, Эр Си понял хозяина. Весело замахав хвостом, он побежал к своему месту и достал оттуда палку. Они тут же начали игру: Цин Янь бросал палку, а Эр Си радостно мчался за ней по двору.

До наступления темноты в дом вернулся Цю Хэнянь, окутанный морозным воздухом. Цин Янь поспешил помочь ему снять вещи и налил ему горячую тарелку свежесваренного рыбного супа. Цю Хэнянь сел, чтобы немного передохнуть и согреться, а Цин Янь с любопытством взглянул на принесенные трофеи.

Это были косуля и олень, убитые стрелами. Их кровь застыла на морозе, образуя ледяную корку. На земле рядом с ними лежал закрытый тканевый мешок. Цин Янь осторожно приоткрыл его, и увидел внутри живого ежа. Обернувшись к Цю Хэняню, он встретил его внимательный взгляд.

- Он живой, - пояснил Цю Хэнянь. - Это для Няньшэна, пусть держат его.

Няньшэн, полное имя которого Ван Няньшэн, был десятилетним мальчиком, называвшим Цю Хэняня «дядей». Он был внучатым племянником Кузнеца Вана.

Кузнец Ван не имел ни сына, ни дочери. Его братья также давно скончались, оставив ему лишь двух племянников. Старшего звали Ван Хэяо, ему уже за тридцать. У него тоже не было детей, а дома жили только он, его мать и несчастная жена, которую он безжалостно бил почти каждый день.

Младшему племяннику, Ван Саньяо, было чуть за двадцать. Его родители давно умерли, и теперь в их доме жила лишь небольшая семья из трех человек. Цю Хэнянь хотел принести ежика ребенку из семьи Ван Саньяо.

Цин Янь предложил:

— Тогда я возьму бамбуковую корзину, посажу его туда. Когда мы будем возвращаться, я положу корзину на свое одеяло, иногда буду открывать, чтобы он дышал свежим воздухом. Так он и не замерзнет, и не задохнется.

Цю Хэнянь кивнул, его взгляд скользнул по фигуре юноши, который в одиночестве охранял дом, будто оценивая его состояние.

Вдруг Цин Янь что-то вспомнил, улыбнулся, и, будто ветерок, побежал за дичью. Вернувшись, он гордо продемонстрировал добычу — фазана. Птица была так напугана, что ее перья торчали дыбом.

— Мы с Эр Си поймали его! Он летел с верхушки дерева, — с воодушевлением рассказывал он, сопровождая слова жестикуляцией. — Эр Си погнался за ним, а я только прыгнул, да одним махом его схватил. Мы вдвоем: он за голову, я за хвост — и поймали живьем!

Услышав свое имя, Эр Си весело подбежал и встал рядом с Цин Янем. Человек и пес задрали головы, глядя на Цю Хэняня глазами, полными ожидания похвалы.

Губы Цю Хэняня, обычно сдержанные, слегка дрогнули. Он поставил на стол пустую чашу, встал, потрепал Цин Яня по макушке, затем наклонился и похлопал по голове Эр Си.

— Молодцы оба! — похвалил он.

Хотя Цин Янь и был доволен похвалой, все же ему казалось, что в этом есть что-то странное.

После ужина они рано легли спать.

На следующее утро Цю Хэнянь вновь отправился на охоту. Это был их последний день на горе. По всему было видно, что в ближайшие дни может выпасть снег, и им нужно вернуться до этого.

Днем Цин Янь начал собираться: все ненужное аккуратно упаковал, чтобы завтра не спешить. Он также разобрался с привезенными накануне Цю Хэнянем оленем и косулей, связал туши веревками и прикрепил к тележке.

Когда ужин был почти готов, Цин Янь не раз выглядывал в дверной проем, но так и не увидел того, кого ждал. Поставив еду греться в котле, он сел у двери и продолжал ждать. Наконец, когда стемнело, и вокруг ничего уже нельзя было разглядеть, его сердце охватила тревога. Он уже собирался взять Эр Си и выйти на поиски, как из леса показался высокий силуэт.

Сердце Цин Яня, застрявшее в горле, упало на место. Он быстро распахнул дверь и побежал навстречу.

Сегодня Цю Хэнянь вернулся, нагруженный до предела: на спине, в руках, на поясе — все было заполнено. Цин Янь ловко помог ему снять все это и перенести во двор.

В этот час они решили сначала поужинать. Цю Хэнянь, проведя весь день в пути, даже несмотря на взятый с собой сухой паек, был измотан и голоден.

Завтра им предстояло возвращение. Цин Янь решил приготовить все мясо, что у них было. Он потушил большую кастрюлю свинины в красном соусе — с хрустящей корочкой снаружи и нежной мякотью внутри. Шкурка мяса блестела красным оттенком, а запах свежего жира щекотал ноздри. На столе также стояли тарелка жареных яиц и капуста с картофельными ломтиками.

Сегодня маньтоу разогревать не стали — Цин Янь сварил весь привезенный белый рис. Тушеная свинина с рисом — идеальное сочетание.

После ужина Цин Янь вместе с Цю Хэнянем разобрали добычу. Сегодня ему удалось подстрелить косулю и полувзрослого дикого кабана. Кабан был еще слишком молод, чтобы успеть отрастить жесткую щетину, иначе его обычными стрелами было бы не пробить.

Цин Янь был приятно удивлен:

— Так много!

Цю Хэньянь ответил:

— В этот раз нам просто повезло. Обычно все не так удачно: бывает, проведешь в горах весь день и ничего не встретишь.

Цин Янь развязал мешок, лежавший на земле, и обнаружил там две серые замерзшие тушки кролика.

— Мы поймали их силками? — спросил он.

Цю Хэньянь утвердительно кивнул.

На лице Цин Яня появилась радостная улыбка. Усталость казалась не напрасной — ему было приятно ощущать свою причастность. Что касается сентиментального «кролики такие милые, их нельзя есть» — ради мяса он мог быть безжалостным и хладнокровным.

Перед сном они оба привели себя в порядок. Цю Хэньянь сел на кан, снял обувь и носки, готовясь мыть ноги.

Цин Янь случайно бросил взгляд на его ноги и тут же застыл. Подойдя ближе, он присел и внимательно осмотрел их. Его брови нахмурились. Он поднял голову:

— Когда ты отморозил ноги? Почему ничего мне не сказал?

Цю Хэньянь чуть опустил голову, глядя на него:

— Это старое. Каждую зиму снова воспаляется, ничего страшного.

Цин Янь задумался и понял, что это наверняка произошло, когда Цю Хэньянь потерял сознание в снегу. Если бы Кузнец Ван не нашел его вовремя, то, даже выжив, тот мог бы лишиться рук или ног.

Эта мысль вызвала в душе Цин Яня тревогу и боль. Он проверил воду в тазу и тихо сказал:

— Слишком горячо. Я добавлю холодной.

Когда вода стала подходящей температуры, Цин Янь снова присел и начал закатывать брюки Цю Хэньяню. Мужчина инстинктивно отдернул ногу, но Цин Янь уже мягко удерживал его стопу и опустил ее в теплую воду.

Цю Хэньянь положил руку ему на плечо, слегка подтолкнув:

— Не обязательно это делать.

Но Цин Янь, будто не слыша, продолжал мыть ему ноги:

— В детстве обо мне некому было заботиться. Зимой я ходил в школу в обуви с оторванной подошвой. Снег попадал внутрь, таял от тепла, а потом снова замерзал. Пальцы на ногах всю зиму были опухшими, зудели и болели.

В комнате мерцал огонек масляной лампы, распространяя легкий запах горящего масла. Аромат мыла после умывания смешивался с запахами домашнего уюта. Голос Цин Яня, тихий и спокойный, создавал теплую, умиротворяющую атмосферу.

Цю Хэньянь замолчал и просто сидел, слушая.

— Тогда я сильно отморозил ноги, — вспоминал Цин Янь. — Это оставило след, и каждую зиму болезнь снова возвращалась. Не сказать, чтобы это было что-то серьезное, но неприятно. — он поднял голову и улыбнулся. — Но я вырос, научился о себе заботиться, и уже много лет ничего не воспалялось.

Он лукаво прищурился:

— Так что твои ноги теперь моя забота. Уверен, к следующей зиме ты забудешь, что такое боль.

Цю Хэньянь не ответил, только пристально смотрел на него. Свет огня играл на лице Цин Яня, делая его черты особенно утонченными и привлекательными.

Цю Хэньянь долго разглядывал его, но внезапно отвернулся и, как по привычке, прикрыл изуродованную рубцами половину лица.

С того момента, как они поднялись в горы, он почти перестал это делать.

Цин Янь не разочаровался — его взгляд был полон мягкости и понимания. Он медленно поднялся, но спина его оставалась немного согнутой. В таком положении он приблизился к лицу Цю Хэньяня, остановился и внимательно посмотрел на него:

— Когда я увидел тебя в первый раз, мне было страшно, — тихо сказал он. — Но теперь я уже не боюсь.

После этих слов Цин Янь осторожно придвинулся еще ближе и мягко коснулся губами губ мужчины, мгновенно отстранившись.

Цю Хэнянь резко повернул голову. Цин Янь улыбнулся:

— От тебя вкусно пахнет.

Таз с водой со звоном опрокинулся.

Стук сердца Цин Яня звучал громко и беспорядочно.

<http://bllate.org/book/13590/1205174>